

УДК 336.11

DOI: 10.17223/22229388/23/2

А.А. Земцов

ДОМОХОЗЯЙСТВО КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА СЧИТАЮЩЕГО И ЕГО ЗАЩИТА ОТ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Приводятся фундаментальные идеи классиков, позволяющие глубже взглянуть на основы домохозяйства и выделить основные моменты, определяющие его и ограничивающие от семьи в современных условиях. Полученные выводы позволяют в дальнейшем рассмотреть эволюцию отдельных домохозяйств (типологическую).

Ключевые слова: домохозяйство, человек считающий, окружающие среды.

Антропологическое «звучание» проблемы семейного бюджета присутствует в различных сторонах супружеской жизни и косвенно связано с самим решением о вступлении в брак, к которому должен при всей безнравственности брака по расчету присутствовать расчет, связанный и с семейным бюджетом, определяющим планирование семьи. Человека можно охарактеризовать не только как «играющего» (Й. Хейзинга), но также считающего. Считающего доходы и расходы и считающегося с ними.

И.М. Муравецкий, 2010.

В одной из работ [11] я рассматривал формы проживания мужчин и женщин, в основном в партнерстве с позиций различных дисциплин. Ныне 32 % взрослых 18–34 лет в развитых странах живут с родителями. Впервые с середины XX в. их доля превысила долю живущих в паре 31,6; 14 % – в одиночестве (PSYCHOLOGIES. 2016. Октябрь. С. 42). Будет рассмотрена домохозяйственная жизнь. Стороны имеют сложную картину соответствия множество основ – исторических, биологических, иногда семья и домохозяйство идентичны в носителях, воплощая их разные аспекты. На первый план поставлено ДХ. В метафорической форме их соотношение выразила Ж. Парис: «Мама и папа создают дом, где ребенок защищен как от внешних, так и от внутренних отношений» [15. С. 178]. «Дом – это место, содержащее все, что придумали люди, чтобы избежать физического дискомфорта. В своей ежедневной борьбе за выживание нам, людям, нужна надежная база, которая дает защиту, еду, кров и тепло» [Там же. С. 180]. Семья не может быть только укрытием, потому что она также

является местом, где мы учимся жизни, а жизнь полна напряжений и огорчений [Там же. С. 210].

Одним из первых домашние хозяйства с научно-практических позиций описал Ксенофонт: «...домохозяйство есть название науки, так же как медицина, кузнечное дело, плотничье дело. Предмет домохозяйства, дело хорошего хозяина состоит в хорошем управлении хозяйством» [13. С. 220]. «Все, что человек имеет, хотя бы оно находилось даже не в одном городе с владельцем, составляет часть хозяйства. Хозяйство человека есть то же, что имущество. Имущество каждого – вещи, полезные ему, то, что вредит, я считаю скорее убытком, чем ценностью. Ценность есть то, от чего можно получать пользу» [Там же. С. 221]. Средства входят в дом обыкновенно благодаря деятельности мужа, а расходуется большая часть их по распоряжению жены; если её распоряжения хороши, состояние умножается, если дурны, состояние уменьшается [Там же. С. 230].

Человек – важная часть натуральной структуры ДХ, которому противостоит окружающая среда. По мнению В.В. Джоса, человек невозможен без окружающей среды. Ибо, любой живой организм является частью этой окружающей среды, частью противопоставляющей себя ей, но живущей только находясь в ней и постоянно беря из нее необходимое себе (еду, воду, кислород, тепло, одежду, транспорт) и избавляясь в нее от имеющегося, но ненужного в себе. Более того, вся жизнь любого существа является процессом борьбы именно с окружающей средой за существование его в ней во времени. Ибо окружающая среда естественным образом непрерывно стремится сделать живой организм обратно окружающей средой, т.е. убрать противопоставление этого живого организма ей [8. С. 7].

Таким образом, человек живет до тех пор, пока хватает его могущества противостоять всевозможным попыткам окружающей среды вернуть его назад, в нее. Естественно, что могущество человека в этой борьбе ограничено. И у разных людей оно может довольно сильно отличаться. Борьба с окружающей средой может считаться успешной также только в том случае, если человек (живой организм) обладает возможностью жить столько же, сколько и окружающая среда, т.е. если он обладает возможностью быть практически бессмертным (сохраняющим свою специфику во времени). На место противостояния среде «один на один» живой организм поставил первичную кооперацию. Разделившись на два пола, представители противоположных полов, создав двуполоую кооперацию, стали производить себе подобных. Теперь они уже могут позволить себе и умереть, погибнуть от «рук» окружающей среды, ибо на их место встает более молодой организм, в каждой клетке которого действуют их гены. Причем с накапливаемым в них своим ставшим теперь родовым

опытом, передаваемым с генами представителю нового поколения, естественно, еще и доведя его в противостоянии среде от состояния инфантильной беспомощности до зрелого могущества [Там же. С. 8]. Однако такое достижение бессмертного рода возможно только при стремлении каждого организма к образованию бисексуального, одновременно оплодотворяющего и оплодотворяемого, сборного надсущества [Там же. С. 9].

Для защиты от окружающей среды и существует дом, жилище, который будучи различным по форме выполняет свою главную защитную функцию.

В генетическом плане человек – это тоже среда, но уже для репликатора (Д. Дойч) [9].

Факт состоит в том, что существуют молекулы, которые побуждают определенные среды к созданию копий этих молекул. Такие молекулы называются репликаторами. В более общем смысле репликатор – это любой объект, который побуждает определенные среды его копировать. Вся жизнь на Земле основана на репликаторах-молекулах. Они называются генами [Там же. С. 200–201]. Ген способен функционировать как репликатор только в определенных средах. По аналогии с экологической «нишей» (набором сред, в которых организм может выжить и произвести потомство) я использую термин «ниша» для набора всех возможных сред, которые данный репликатор побуждал бы к созданию его копий. Репликатор побуждает свою среду к тому, чтобы она его копировала, т.е. он делает причинный вклад в свое собственное копирование. От присутствия и особой физической формы репликатора зависит, происходит копирование или нет [Там же. С. 203]. Организм не является репликатором: он часть среды репликаторов, обычно самая важная, после всех остальных генов, часть. Оставшаяся часть среды – это тип местообитания, которое может занимать организм, и конкретный образ жизни в нем, который дает организму прожить там достаточно долго, чтобы произошла репликация его генов [Там же. С. 206].

Организмы во время размножения не копируются; и еще меньше они побуждают свое собственное копирование. Они создаются заново по чертежам, заложенным в ДНК родительских организмов. Таким образом, организм – это ближайшая среда, копирующая реальные репликаторы, т.е. гены этого организма. И нос, и берлога – это всего лишь части среды, которой манипулируют гены медведя в процессе своей репликации [Там же. С. 207].

Теоретической основой (с биологических позиций) домохозяйства является свойство эусоциальности, весьма редко встречающееся на Земле (Э. Уилсон) [21].

Важнейшим следствием интеллектуальной эволюции стало умение человека представлять себе различные варианты будущего и строить планы в соответствии с ними. А насколько мудро мы пользуемся этой уникальной способностью,

зависит от того, насколько правильно мы себя понимаем [Там же. С. 12].

Ученые обнаружили, что биологические истоки сложного социального поведения человека в целом подобны таковым у других представителей царства животных. На материале сравнительных исследований поведения тысяч видов животных, от насекомых до млекопитающих, можно сделать вывод, что самые сложные общества возникают в условиях эусоциальности. Характерная черта любой эусоциальной группы заключается в том, что ее члены совместно воспитывают молодняк на протяжении многих поколений. Кроме того, в таких популяциях присутствует такое разделение труда, которое подразумевает как минимум частичный отказ некоторых членов группы от размножения в интересах «репродуктивного успеха» (активного воспроизводства в течение жизни) других [Там же. С. 16]. Эусоциальность – выдающееся явление по ряду причин. Во-первых, она встречается крайне редко. Из сотен тысяч эволюционных линий животных на суше за последние четыреста миллионов лет выявлено всего девятнадцать случаев эусоциальности. Двадцатый вид в этом ряду – человек. Во-вторых, известные науке эусоциальные виды возникли сравнительно недавно. В-третьих, развитие социального поведения до уровня эусоциальности, как оказалось, обеспечило своим обладателям серьезный экологический успех. У всех эусоциальных видов, ...предпоследний шаг на этом пути оказался одинаковым: постройка хорошо защищенного гнезда, из которого взрослые особи отправляются за кормом и в котором растут молодняк. Строителями гнезда могут выступать одинокая самка, семейная пара либо небольшая и слабо организованная группа. Когда пройден этот последний предварительный этап, остается последнее условие для создания эусоциальной колонии: взрослые и молодые особи должны подолгу жить в гнезде и общими усилиями воспитывать детенышей [Там же. С. 19].

В общесоциальном плане понятие жилища невозможно построить без обращения к категориям мобильности (Д. Урри) [22]: внимание сфокусировано на природе жилища. Имеются в виду те следствия, которые вытекают из предположения, что люди живут внутри сообществ – заданных или сконструированных, а также из того тезиса, что большинство форм проживания зависит от различных моделей реальной или воображаемой мобильности. Социологическое понятие сообщества следует заменить понятием жилища и проживания, многие формы которых предполагают различные формы мобильности [Там же. С. 14].

А. Лефевр указывает, что любой отдельно взятый жилой дом можно рассматривать под двумя углами зрения. Можно видеть в нем нечто прочное и непоколебимое с четкими, холодными и неподвижными контурами. Но можно заметить и то, как такой дом с разных сторон пронизан потоками энергии, которая входит и выходит из

него во всевозможных направлениях. Как следствие, образ незыблемости здесь замещается образом комплекса мобильности, узла, входных и выходных каналов (С. 36). Теории, приложимые к социальной жизни на основе метафор сети, потока и перемещения (С. 39).

Прато и Триверо описывают превращение транспорта в основной вид «жизненной активности», из метафоры процесса он стал одной из характеристик общей организации домохозяйств. Последние, находясь в постоянном движении, стирают организационное и идеологическое значение различия между пребыванием дома и вдали от него (С. 77).

Хотя дом в сегодняшнем понимании является своего рода «терминалом», электронные технологии одомашниваются сложными путями, встраиваясь в способы жизни людей в пределах домашнего пространства (С. 109).

Башляр отдельно останавливается на вопросе о природе «дома» и утверждает, что его не следует воспринимать в качестве сугубо физического объекта. Ведь, помимо всего прочего, дом – это то место, где могут разыгрываться грозы и ничем не сдерживаемое воображение. Дом – это также метафора интимности. Дома находятся внутри нас, а мы, в свою очередь, в них. Различные пространства так же, как дом, где ты родился, испещрены следами памяти. И это чувство принадлежности производно от материальности каждого конкретного места. Наши тела навсегда сохраняют воспоминания о первом доме, в котором мы жили (С. 171).

Хайдеггер утверждает, что такие виды деятельности, как строительство и проживание, некогда были одним и тем же, проживать (*Wohnen*) – значит пребывать или оставаться, жить в мире и довольстве, чувствовать себя в определенном месте, как дома. Именно этот способ проживания характерен для человека на земле. Проживание всегда предполагает пребывание с вещами. Примерно так же, как в современной теории акторов-сетей, вещи занимают центральное место в хайдеггеровском анализе проживания в доме и во множестве других мест (С. 190–191).

Важнейшим теоретическим понятием, на которое опирается экономическая (финансовая) теория домохозяйства, является «капитал», формулировки П. Бурдьё (2014) наиболее адекватны: Капитал – это накопительный труд (идет ли речь о его материализованной или инкорпорированной, телесной форме. Когда агенты или группы агентов делают его объектом частного (эксклюзивного) присвоения, это позволяет им присваивать и социальную энергию в форме овеществленного или живого труда [6. С. 293].

Это врожденная сила, т.е. сила, вписанная в объективные или субъективные структуры; но также и врожденный закон, т.е. принцип, лежа-

щий в основе имманентных социальному миру закономерностей. Это то, на чем основаны игры общества (и не в последнюю очередь экономическая игра), однако нечто иное, нежели просто азартные игры, предполагающие, что в любой момент может свершиться чудо.

Капиталу же в объективированной или инкорпорированной форме требуется время для накопления. Будучи потенциальной способностью производить прибыли и воспроизводить себя в прежних или расширенных формах, он содержит в себе тенденцию к устойчивому пребыванию и является силой, вписанной в объективность вещей таким образом, что все перестают быть равновероятным или равноневероятными (С. 294). Структура распределения различных типов и подтипов капитала в данный момент времени образует имманентную структуру социального мира и являет собой совокупность ограничений, вписанных в саму реальность этого мира, надежно контролирующих его функционирование и определяющих шансы на успех тех или иных практик (Там же).

В действительности объяснить структуру и функционирование социального мира невозможно, если не вести понятие «капитал» во всех его формах, а не только в той, которая признается экономической теорией (Там же). Законы, через которые различные формы капитала (или власти, что в конечном счете одно и то же) превращаются друг в друга (С. 296).

Капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более или менее серьезных трансформаций, являющихся предпосылкой его эффективного действия в данной области, может выступать в трех основных обликах: 1) экономический капитал, непосредственно и напрямую конвертирующийся в деньги и институционализирующийся в форме прав собственности; 2) культурный капитал, при определенных условиях способный конвертироваться в экономический капитал и быть институционализированным в форме образовательных квалификаций; 3) социальный капитал, образованный социальными обязательствами («связями» – *connecting*) и при определенных условиях конвертируемый в экономический капитал; он может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула. Символический капитал, как капитал в любой его форме, представляемой (воспринимаемый) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием, предполагает влияние хабитуса как социально сконструированной когнитивной способности (Там же). Культурный капитал существует в трех формах: в инкорпорированном состоянии, т.е. в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии или в форме культурных товаров, являющих собой отпечаток или воплощение теорий или их критики, некоторого круга

проблем и т.д., в институционализированном состоянии, т.е. в форме объективации (С. 297). Накопление культурного капитала в инкорпорированном состоянии, т.е. в той форме, которая называется культурной, культивированием, предполагает процесс воплощения в телесные формы, инкорпорирования. Поскольку этот процесс влечет за собой усилия по освоению и ассимиляции, он требует затрат времени непосредственно самого инвестора (С. 298). Подобно наращиванию физической мускулатуры или приобретению загара, это невозможно сделать через вторые руки (следовательно, возможности делегирования полномочий здесь не работают). Работа по приобретению подобных свойств – это работа над собой (самосовершенствование), предполагающая собственные усилия. Это инвестирование прежде всего времени, но также и социально выстроенной формы влечения, со всеми сопряженными с нею ограничениями, самоотречением и самопожертвованием (Там же).

Культурный капитал нельзя накопить независимо от способностей индивидуального агента к его приобретению; он угасает и умирает вместе со своим владельцем (вместе с его биологическими способностями, памятью и т.д.) Культурный капитал оказывается привязан множеством нитей к человеку в его биологической уникальности и передается по наследству (что происходит скрытым, даже невидимым образом) (С. 299).

Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, членством в группе, которая дает своим участникам опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова (С. 305). Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан (С. 306).

Экономический капитал образует основу всех других типов капитала (С. 311).

Согласно определенному эквивалентному принципу сохранения энергии, прибыль в одной области неизбежно оборачивается затратами в другой. Так что понятие пустых трат лишено смысла в рамках общей науки о хозяйстве практик (С. 312).

Среди преимуществ, которые приносит капитал во всех своих видах, наиболее ценным является все увеличивающийся объем полезного времени; это становится возможным благодаря различным методам присвоения в форме услуг времени других людей (С. 313).

По Г. Беккеру, анализ человеческого капитала предполагает, что индивиды выбирают образование, профессиональную подготовку, медицинскую помощь и другие способы улучшения своих знаний и здоровья, сопоставляя их выгоды и издержки [4. С. 693].

Выгоды предстают в виде культурных и других нематериальных ценностей наряду с повышением доходов и получением более престижной работы, а издержки определяются главным образом альтернативной стоимостью этих инвестиций [Там же. С. 694].

Одной из наиболее влиятельных концепций в анализе человеческого капитала является разделение знаний на общие и специфичные и соответствующее разделение подготовки. «...более совершенные методы бухучета должны включать специфический человеческий капитал работников в состав основных активов компании. Теория инвестиций в ЧК связывает неравенство доходов с различной одаренностью, семейным положением, получением наследства и с другими активами» [Там же. С. 695].

Нам очень импонирует своей прагматичностью концепция А.Н. Поддъякова, который человеческий капитал подразделяет на 2 части, вторая из которых – метакapитал – есть навыки, позволяющие управлять созданием своего ЧК и его использованием. Таким образом, у домохозяйства появляется ценнейший инструмент саморазвития и совершенствования. Под человеческим капиталом (ЧК) в экономике понимается запас знаний, умений, навыков и способностей, который есть у каждого человека и который он может использовать в производственных или потребительских целях (Капелюшников Р.Н., 2011) [16. С. 71].

Экономической целью формирования ЧК является повышение благосостояния его обладателя... и (или) повышение благосостояния нанимающей его стороны (С. 72).

Анализ использования именно ЧК как знаний, умений, навыков одних людей в разных типах их отношений с другими людьми – междисциплинарная проблема (С. 73).

Оценка ЧК как положительного или отрицательного зависит от ценностных ориентаций и интересов оценивающего. Развитие и использование ЧК в высококонфликтных социальных средах, насыщенных противоположными интересами участников взаимодействий, необходимо оценивать по тому, какую пользу и какой ущерб этот капитал приносит а) обладателю; б) другим субъектам. Есть четыре варианта.

Обозначение ЧК (s,o) = ЧК (self, others), self – выгоды или ущерб от обладания и использования ЧК самому субъекту, others – выгоды или ущерб от обладания и использования этого ЧК для других. Или: ЧК (s, o2, o, ... on) (А может быть и S – по ролям. – А.З.). ЧК субъекта может быть интер-

претирован как векторная величина в $(n+1)$ -мерном пространстве, где K -е измерение пространства означает выгоду или ущерб от реализации ЧК данного субъекта для K -го участника (С. 75).

Под человеческим метакапиталом понимают способности личности управлять развитием и использованием своего собственного капитала (С. 75).

Опираясь на свой ЧМК, люди занимаются самообразованием в выбранных областях, планируют и получают образование в соответствующих учреждениях, осмысленно и целенаправленно развивают те или иные качества своих познавательских процессов (внимания, памяти, мышления), физическую тренированность, поддерживают и укрепляют здоровье (С. 76). Мы предлагаем включить в ЧМК способности, знания и умения по управлению развитием и использованием ЧК других субъектов (С. 77).

Д. Карагодин: «И вот какое важное открытие я для себя сделал: в России невозможно ничего накопить, сохранить капитал. Единственное, что сохраняется, это уровень образования и компетентности. Российские исторические циклы обнуляют экономику и инфраструктуру, но им не под силу обнулить компетенции людей, то, что они знают и могут, лишь иногда их могут физически уничтожить в расстрельных рвах» [12. С. 82].

Бессознательные основы своего жилища описывает К. Юнг в автобиографии:

«Благодаря своим научным занятиям я обрел основания своих фантазий и разного рода проявлений бессознательного. Но слово и бумага казались мне средством несовершенным, мне нужно было что-то более существенное. Я чувствовал потребность перенести непосредственно – в камень – мои сокровенные мысли и мое знание. Иными словами, я должен был закрепить в камне мою веру. Так появилась Башня, дом, который я построил для себя в Боллингене. Кому-то эта идея может показаться абсурдной, но я находил в этом не только необычайное удовлетворение, но и некий смысл. С самого начала для меня было очевидно, что я буду строиться вблизи воды. Сперва я не думал строить настоящий дом, но лишь какую-нибудь одноэтажную временку, круглую, с очагом посреди и кроватями вдоль стен, – такое себе примитивное жилище. Мне мерещилось что-то вроде африканской хижины, посреди которой обложенный камнями горит огонь, и это центр всего, что происходит в доме – семейный очаг» [23. С. 273]. «Примитивные хижины по сути своей несут идею общности, некоего целого – семьи, которая включает в себя и мелкий домашний скот. Нечто подобное хотел построить и я – жилище, которое отвечало бы первобытному человеческому ощущению. Оно должно было сооб-

щать чувство безопасности – не только в психологическом, но и в физическом смысле.

С самого начала Башня была для меня местом зрелости, материнским лоном, где я мог стать тем, чем я был, есть и буду. Башня давала мне такое ощущение, словно я переродился в камне. Она явилась воплощением моих предчувствий, моей индивидуации, своего рода памятником аере *pergenius* (прочнее меди). Она очень помогала мне, она как бы утверждала меня в самом себе. Я строил дом по частям, следуя всегда лишь нуждам момента и не задумываясь о внутренней взаимозависимости того, что строится. Можно сказать, что я строил как бы во сне. Лишь после, увидев то, что получилось, я обнаружил некий образ, полный смысла: символ душевной цельности» (С. 274). «В Боллингене я живу самым естественным для себя образом. Иногда мне кажется, будто я вбираю в себя пространство и окружающие меня вещи. Здесь проходит та грань, за которой открывается безграничное царство бессознательного. Я отказался от электричества, я топлю печь и плиту. По вечерам я зажигаю старинные лампы. У меня нет водопровода, я качаю воду из колодца. Я рублю дрова и готовлю еду. Эти простые вещи несут в себе ту простоту, которая так трудно дается человеку. В Боллингене меня окружает тишина, и я живу в хрупкой гармонии с природой. Здесь я уже более не испытываю таких мук создания, творческий процесс стал походить на игру» (С. 276).

В юридическом плане основой понятий «гнездо», «семья – домохозяйство» является римское право, в котором речь идет о производящей семье – домохозяйстве, базирующемся на рабском труде (Ч. Санфилиппо) [20]. Традиционная порядочность (*friends*) архаических *pater familias*, которые были хорошо знакомы друг с другом и прибегали к немногочисленным формам, к тому же достаточно схематическим, деловых отношений (что, впрочем, происходило достаточно редко, поскольку они были экономически независимыми). Внутри всякой отдельной семьи какие-либо разногласия отсутствуют или же легко гасятся суверенной и абсолютной властью *pater familias*, в осуществление которым своих полномочий над домашними государством даже не вмешивается. Перед лицом этой власти все прочие члены семейной группы – сыновья, женщины, рабы – находятся в положении подвластных, лишенных личной и имущественной самостоятельности. Лишь *pater familias* обладает абсолютным господством (*dominium*) над всеми вещами – как движимыми, так и недвижимыми, образующими богатство группы. И господство это утрачивалось лишь со смертью *pater familias* в пользу того, кто являлся его преемником (*heres*, наследник), будучи назначенным правопорядком или самим же отцом (*pater*) посредством специального торжественного акта (*testamentum*, завешание) (С. 47).

Главой семьи является *pater familias*, абсолютная власть которого над всеми членами семьи выражается в общей форме термином *potestas*... Все имущественные отношения, возникающие между членами *familia*, остаются замкнутыми внутри нее, будучи упорядоченными домашним обычаем. В связях с внешним миром только *pater familias* выступает как *sui iuris*, все прочие члены семьи – *alieni iuris* (не самостоятельны) (С. 179–180).

Кредитно-долговые отношения между *patres familias* вызывают на свет «обязательства», понимаемые как узы личного закабаления должника кредитором, узы, которые способны привести первого в тюрьму, ввергнуть его в рабство и, наконец, повести к убийству должника, не исполнившего обязательство (С. 48).

Имущество (*patrimonium*) есть совокупность элементов (*bona*; добро), дающих частному субъекту экономические выгоды. *Patri-monium* образуется из *res corporales* и *res incorporales* (С. 93).

Право собственности – это право наиболее абсолютным образом, в установленных правопорядком пределах, пользоваться собственной вещью, извлекать из нее доход и распоряжаться ею. Собственность является наиболее независимым и абсолютным признаваемым правопорядком господства над вещью (С. 216–217).

В наиболее древний период существования квинтского права мы сталкиваемся в римской семье со свойствами, радикальным образом отличающими ее от семьи эпохи Юстиниана и от современной семьи. Она представляет собой объединение лиц, основанное на общей для всех связи юридического подчинения главе (*adgnatio*, агнатство). *Adgnatio* – это узы, связывающие с *pater familias*, а также друг с другом всех тех, кто подчинен *potestas* одного и того же лица. Узы эти не связаны с кровными... *Cognatio* же – это узы, связывающие между собой всех кровных родственников, происходящих от одного родоначальника вне зависимости от того, являются они агнатами или нет. Первоначально значимым юридически было только *adgnatio* и постепенно стало прибавлять в весе *cognatio*, пока, наконец, оно не стало явно преобладать над агнатским родством (С. 202–203).

Римское право рассматривало брак как фактическое состояние вещей (*res facti*), хотя и влекущее за собой важнейшие юридические последствия. Брак возникает и существует постольку, постольку фактически имеются в наличии два фундаментальных элемента: сожительство (объективное требование) и супружеская любовь, *maritalis affection* (субъективное требование), поэтому при отсутствии одного из этих моментов брак прекращается (С. 185–186).

Характерным для римского общества институтом, связанным с браком, было начиная с Древнейшей эпохи «приданое» (*dors*). Оно заключается в

любого рода вкладах имущественного характера... которые сама жена, ее *pater familias* либо третье лицо передают мужу, чтобы оказать ему помощь в несении тягот брака (*ad sustinenda onera matrimonii*). Приданое, исходящее от *pater*, называется *profecticia* («приспешившие»), из иных источников – *adventicia* («со стороны») (С. 193). Подробнее см. соответствующие статьи [3].

Влиянию рабства на все стороны современной жизни посвящена значительная часть работы Д. Гребера. Рабство сыграло важную роль в истории, столь сильно повлияло на формирование наших базовых принципов и институтов, что мы этого даже не замечаем, а если бы и замечали, то, возможно, не захотели бы признавать. Есть все основания полагать, что повсюду рабство с его уникальной способностью вырывать людей из их среды и превращать их в абстрактные понятия играло ключевую роль в возникновении рынков. Все рабовладельческие общества отличаются мучительной раздвоенностью сознания. Она заключалась, с одной стороны, в понимании того, что высшие цели, за которые нужно было бороться, были в конечном счете неправильными, а с другой – в ощущении, что так уж устроен мир. Раб – это мертвец в прямом смысле слова [7. С. 168–170, 172].

На этом бесконечном страхе зависимости от чужих прихотей и основана греческая одержимость иметь хозяйство, полностью удовлетворяющее все потребности (С. 195).

Римское право создало язык и концептуальные основы юридического и конституционного порядка повсюду. Почти все наши базовые понятия касаются контрактов, обязательств, правонарушений, собственности и юрисдикции, а также – в более широком смысле – гражданства, прав и свобод, на которых основана политическая жизнь. Самой известной его чертой является уникальное определение права. В римском праве собственность, или *dominium*, – это полная власть человека над этой вещью (С. 203).

Римское право утверждает, что основной формой собственности является частная, которая заключается в полной власти владельца делать со своим имуществом все, что ему заблагорассудится (С. 204). Орландо Паттерсон считает, что понятие полной частной собственности на самом деле происходит из рабства. Собственность можно представлять не как отношения между людьми, а как отношения между человеком и вещью в том случае, если в их основе лежат отношения между двумя индивидами, один из которых также является вещью (С. 205). Что касается понятия «*dominium*», то оно происходит от слова «*dominus*», которое означает «хозяин» или «рабовладелец», но восходит к слову «*domus*», т.е. «дом» или «хозяйство». С этим связан английский термин «*domestic*» («домашний»), который даже сегодня может использоваться в значении

«относящийся к частной жизни» или же обозначать слугу, убирающего дом. «Domus» переключается со словом «familia», т.е. семья, но... «amilia» происходит от слова «famulus», т.е. «раб». Изначально под семьей понимались все люди, находившиеся под домашней властью «pater familias», которая была, по крайней мере в раннем римском праве, абсолютной. Создавая понятие «omnium», которое легло в основу современного принципа частной собственности, римские юристы обратились к принципу домашней власти, полной власти над людьми, определили некоторых из этих людей (рабов) как вещи, а затем распространили логику, которая изначально применялась по отношению к рабам... на любую вещь, имеющую отношение к праву (С. 206).

Тем самым отношения «dominus» и раба приносили в домохозяйство отношения завоевания, абсолютной политической власти (более того, они стали основой домохозяйства). Важно подчеркнуть, что эти отношения с обеих сторон не были нравственными (С. 208). Современные представления о правах и свободах происходят от того, что вошло в историю как «теория естественного права». Ее основы около 1400 г. заложил Жан Жерсон, ректор Парижского университета, отталкивавшийся от римских правовых концепций. Затем подобные идеи легли в основу нашей современной экономической жизни, поскольку наемный труд на деле представляет собой такую же сдачу в аренду нашей свободы, какой можно считать рабство в момент продажи человека (С. 211).

Мы владеем не только нашими свободами; та же логика стала применяться к нашим телам, которые, согласно подобным концепциям, на самом деле не отличаются от домов, машин или мебели. Говорить о том, что мы владеем собой, как ни странно, означает, что мы выступаем одновременно и в роли хозяина, и в роли раба. «Мы» и владельцы (имеющие полную власть над своей собственностью), и в то же время предметы обладания (подчиненные полной власти). Древнеримское домохозяйство не затерялось в тумане истории – напротив, оно сохранилось в нашем ключевом представлении о самих себе и, как и в имущественном праве, приводит к поразительно непоследовательным результатам, которые порождают бесчисленные парадоксы всякий раз, когда мы пытаемся понять, что же это означает на практике (С. 212).

Производящему хозяйству конца XVIII – начала XIX в. посвящена работа В.А. Александрова [1]. В феодальном обществе основной производящей единицей была крестьянская семья.

Типология семьи определяется её численностью и внутренней структурой (С. 42).

Средняя численность крестьянского двора, лиц мужского и женского пола в Псковской зем-

ле, Новгородских пятинах и на севере в конце XV – первой половине XVII в. min 5,0, max 6,8 (С. 52); в 1678 г. – 153 уезда, min 5,2, max 9,4. Некоторый рост населенности крестьянского двора, прослеживающийся во второй половине XVII в., связывался учеными с введением подворного обложения (С. 54); в 1710–1858 гг. min 6,6, max 10,6 (С. 57).

Малой семьей следует считать супружескую пару, не имевшую детей или с малолетними и даже взрослыми, но не женившимися сыновьями. Родители с женатыми сыновьями (вне зависимости от их количества), а также совместно жившие женатые братья составляли более сложную семейную организацию, а именно – неразделенную семью двух видов – отцовскую и братскую (С. 58). Приведенные выше историко-демографические данные свидетельствуют о том, что повсеместно в среде сельского русского населения на протяжении более трех столетий (с XVI и до середины XIX в.) основой семейного строя оставалась малая семья (С. 68).

Обращаясь в анализу семейно-имущественных отношений, бытовавших в крестьянской семье, следует иметь в виду, что их своеобразие определялось двумя обстоятельствами: во-первых, крестьянская семья была родственной производящей единицей, обремененной тяглом, имущество которой обеспечивало функционирование её хозяйства; во-вторых, крестьянская семья имела разную структуру, что отражалось на имущественных отношениях между ее членами. Государственное законодательство определяло личные права отдельных членов семьи дифференцированно по отношению к различным видам имущества (движимое и недвижимое, наследственное и приобретенное), причем не рассматривало его как необходимое условие функционирования производительного хозяйства. По представлениям же крестьян, все виды имущества, заключенные в пределах двора или относящиеся к нему (например, отдельно стоящие строения), рассматривались совокупно, в виде единого комплекса, обеспечивавшего хозяйственную деятельность семьи и существование её членов. Иначе говоря, речь должна идти о том, какое имущество, в каких целях и кому в отдельных конкретных случаях должно было переходить (С. 172).

В малых и неразделенных семьях, возглавляемых отцами, основу хозяйственного комплекса двора составляла доля, доставшаяся им в результате раздела двора их родителей или выдела. Отец как глава такого семейства обладал широкими правами по отношению к своим взрослым женатым сыновьям, вплоть до лишения их права на имущество, это могло последовать в случае их неповиновения или требования о выделе, с чем не соглашался отец. В этом случае сын мог обжа-

вать решение отца, обратившись в общинное правление (С. 174). Однако самостоятельность воли главы семьи имела свои пределы. В рассматриваемое время (XVIII – начало XIX в.) глава семьи в принципе был не владельцем, а распорядителем семейного («родового») добра, подконтрольным со стороны общины. Если поведение такого главы становилось предосудительным и возникала опасность тягlosigkeit двора, его права ограничивались (С. 177). Главенство в таких ситуациях могло быть передано в руки жены, старшего сына и даже незамужней дочери. Случалось, что не только вдовы, имевшие в своих семьях взрослых и женатых сыновей, но и жены, находящиеся, по-видимому, в отходе мужей, играли по их доверенности активную роль в повседневной жизни деревни (С. 178). Неизменно за вдовами-матерями, возглавлявшими хозяйство, оставался решающий голос при выделении сыновей или полных разделах неразделенных семей (С. 179). В отличие от отцов – глав семьи, которые после полных разделов с сыновьями или племянниками сохраняли за собой определенную долю имущества двора, позволявшую им вести производительное хозяйство, матери-вдовы, когда они складывали с себя главенство, не имели право на такую долю. За ними оставалось только право на их личное имущество – приданое (в том виде, в каком оно поступило в дом при выходе ее замуж или в форме компенсации) и на обеспечение со стороны детей прожиточным минимумом.

Разумеется, семейные разделы и условия, на которых они осуществлялись, контролировались сельскими общинами (С. 180). В основе обычных правовых норм было представление о необходимости дальнейшего функционирования хозяйств выделенных малых семей. Поэтому при «полюбовных» разделах неразделенных семей чаще всего, во-первых, предполагалось обеспечение каждого выделявшегося необходимым минимумом всех частей крестьянского хозяйственного комплекса, в который входило как движимое, так и недвижимое имущество, а во-вторых, равенство в обеспечении каждого выделявшегося. Достигалось это разными путями в зависимости от достатка семьи (С. 181).

Рассмотренные акты и мирские решения, фиксировавшие выдел крестьянских сыновей или полный раздел семей, свидетельствуют о том, что двор со всем имуществом, обеспечивавшим хозяйственную и бытовую жизнь семьи и ее тяглые обязательства, считался общей собственностью. Эта общность нередко отражалась в крестьянских актах в понятии «родовое имущество». Понятие о дворе как хозяйстве с общесемейным имуществом отражалось также в представлении об общей ответственности за долги (С. 184–185).

...Под наследством подразумевается имущество, находящееся в личной собственности (С. 193).

Примачество было весьма характерным явлением в русской деревне. Оно объяснялось прежде

всего необходимостью поддержать хозяйство, если его существование в силу каких-либо несчастий или демографической случайности попадало под угрозу. Когда в крестьянском дворе оставались пожилые или вовсе неработоспособные мужчины и малолетние, единственным способом избежать хозяйственного и тем самым тяглого упадка был прием в дом мужа-примака к дочери, племяннице, внучке, свояченице, падчерице или вдовой снохе. Условия вхождения примака в семью заранее оговаривались, но вне зависимости от степени их детальности они в принципе отражали договор, на основе которого муж, становясь главой малой семьи, приобретал определенные права на неразделенное имущество, принадлежащее семье его жены.

По обычному праву женщина, выходя замуж, приносила в дом мужа приданое; на этом ее материальные отношения с родной семьей прекращались, а какие-либо претензии со стороны мужа вовсе не допускались. В случае вхождения мужа в дом жены ситуация менялась и по обычному праву предусматривались их обоюдные интересы. Жена не получала приданого, но ее имущественное положение определялось в известной степени совладением общесемейного имущества, а муж принимался родителями жены на правах сына с вытекавшими из этого обязательствами и преимуществами (С. 196).

Обеспечение в семьях крепостного крестьянства распространялось на престарелых родителей, которые не могли нести тягло, и на не вышедших замуж дочерей, сестер, своячениц, оставшихся вдовами сестер, теток, снох с малолетними дочерьми, на которых по мирским обычаям не распространялось право на долю хозяйственного комплекса. Престарелые родители обладали в обеспечении существования, как правило, несравненно большими правами, нежели другие родственники в семье (С. 207).

И в малых, и в неразделенных тягловых семьях право на личное имущество до XIX в. развито было очень слабо (С. 227). Развитию понятия личной собственности способствовало имущество, появлявшееся вне деревни в результате занятий ремеслами и торговлей в городах (С. 231). Личное владение имуществом, даже купленной землей, было известно крестьянству довольно широко, и по обычному праву того времени согласно воле владельца оно могло передаваться вовсе не обязательно по родственным, восходящим или нисходящим линиям в порядке близости родства. Проявление воли завещателя тем не менее не нарушало несравненно более существенно для производственной жизни деревни правового принципа, по которому каждый мужчина в семье был наследником двора или его части, а потому – потенциальным тяглецом (С. 233). Система имущественных норм была достаточно развитой и, самое главное, хозяйственно жестко рацио-

нально целенаправленной, в которой выделялись три основных системообразующих принципа действия этих норм: 1) обеспечение функционирования отдельного крестьянского хозяйства-двора; 2) обеспечение существования нетрудоспособных членов крестьянской семьи или не могущих вести самостоятельное хозяйство и нести тягло; 3) условность в разграничении между общим хозяйственным и личным имуществом.

Крестьянский двор заключал в себе разнообразное движимое и недвижимое имущество, которое в совокупности обеспечивало функционирование отдельного хозяйства (С. 244).

По обычаю право на долю хозяйственного комплекса имел тот, кто мог возглавить хозяйство двора и обеспечить тягло. Поэтому в основе имущественных отношений в крестьянской семье было право каждого мужчины в перспективе возглавить самостоятельное хозяйство, из которого вытекала обязанность нести тягло и отвечать за него. Это право распространялось на всех мужчин – членов семьи, связанных родством, вне зависимости от ее структуры – малой или неразделенной. В силу производительного характера крестьянской семьи право боковых родственников – мужчин, входивших в ее состав, на долю комплекса имело принципиальное значение, а потому стойко сохранялось. Если государственное законодательство последовательно сохраняло и развивало одну из основных норм древнерусского гражданского права, отраженную в ПРП, а именно наследование имущества на равных основаниях сыновьями, то по обычному праву в силу своеобразия крестьянского семейного строя, проявлявшегося в широком бытовании неразделенных семей, доля имущества сохранялась за каждым лицом мужского пола. Эта норма отражала дуалистическую основу семейно-имущественных отношений, в которых при господстве общего имущества уживалось представление об индивидуальных правах в обеспечении малой семьи даже в перспективе ее образования (С. 245). По обычному праву если кто-либо (вольнотпущенник, а часто и солдат) порывал отношения с общиной, то он терял и свои семейно-имущественные права, которые переходили к его ближайшим родственникам (детям) (С. 247). Существенно отметить отсутствие представления о праве любого нетрудоспособного члена семьи на определенную долю какого-либо деревенского имущества, а тем более на долю хозяйственного комплекса (С. 248).

Особое значение процитированной выше работы состоит в том, что она освещает проблемы русского крестьянина, которое было преобладающим долей населения России, а следовательно, оказало влияние и на представления современных домохозяйств.

В классических трудах Г. Беккера заложен новый экономический подход к семье: в основе

поведения личности лежит не узкий эгоизм, а более широкий спектр ценностей и предпочтений. Согласно данному подходу, люди максимизируют то, что они воспринимают как богатство, независимо от того, эгоисты они или альтруисты, садисты или мазохисты. Их поступки продуманны и согласованы во времени. Так, они пытаются как можно точнее предугадать неизвестные последствия своих действий.

Свобода действий человека ограничивается его доходом, временем, несовершенством памяти и вычислительных способностей, а также возможностями, которые представляет ему экономика. Широта этих возможностей определяется действиями других индивидов и их организаций [4, С. 688]. Самым важным из всех ограничений является время. Поэтому желания остаются неудовлетворенными и в богатых, и в бедных странах. ...время становится все более ценным по мере того, как блага – все более изобильными... (С. 689).

Исходным моментом моего анализа семьи является предположение, что при решении вопросов, заключить ли брак, иметь ли детей, развестись или нет, мужчины и женщины пытаются максимизировать полезность, сравнивая выгоды и издержки. Таким образом, они заключают или расторгают брак, когда ожидают, что это повысит их благосостояние.

Подход к браку и к поведению вообще с точки зрения рационального выбора часто совпадает с инстинктивной экономикой «обычного человека». Системный подход подразумевает сочетание рационального подхода (максимизирующее поведение) с анализом «рынков» браков и разводов, специализации и разделения труда, помощи престарелым, инвестиций в воспитание детей и законов, касающихся семьи. Выводы, делаемые с помощью этой полной модели, часто не столь очевидны, а иногда вступают в противоречие с общепринятыми взглядами (С. 697).

Решения, определяющие размер семьи, выходят за рамки экономических расчетов. ...время, затрачиваемое на уход за ребенком, становится все более дорогим по мере того, как увеличивается производительность экономики. «Дороговизна» времени повышает затраты на детей и, таким образом, уменьшает на них «спрос». Растущая ценность времени и усиление акцента на образовании и другом человеческом капитале объясняют падение рождаемости по мере развития стран, а также многие особенности рождаемости в современном мире (С. 698).

Взаимоотношения между членами семьи резко отличаются от отношений между работниками фирм и членами других организаций. Взаимоотношения мужей, жен, родителей и детей, очевидно, больше определяются любовью, признательностью, чувствами вины и долга, чем узко понимаемым эгоизмом (С. 699).

И старики, и дети нуждаются в заботе: первые – вследствие упадка сил, вторые – по причине своей незащитности. Экономический анализ внутрисемейных отношений показывает тесную связь между этими двумя проблемами. Модель рационального выбора – это наиболее перспективное направление системного подхода к анализу социального мира, которое разрабатывается исследователями, представляющими различные социальные науки (С. 704).

В ранней работе В.В. Радаева приводится одно из первых теоретических описаний домашнего хозяйства (ДХ) в постсоветской литературе. Домашнее хозяйство – совокупность всех хозяйственных функций, выполняемых членами семьи в рамках их домашнего пространства [17. С. 64].

Концепции домашнего хозяйства пока оказываются в роли «пасынков» экономической и социологической теории (С. 71).

Для экономистов сфера домашнего хозяйства является «периферией» не первого и даже не второго порядка. Отчасти это объяснимо, поскольку экономические отношения здесь слишком слабо дифференцированы от прочих отношений (С. 65). Домашнее хозяйство ныне рассматривается экономистами как единица, которая максимизирует свое благосостояние в рамках двух основных ограничений: денежного бюджета и бюджета времени. Поскольку предполагается, что доход семьи может быть увеличен за счет сокращения домашнего труда или свободного времени в пользу рыночной занятости, ограничение остается одно – дефицит времени (С. 66).

Семья – тесная надындивидуальная общность, связанная узами социальных норм и скрепленная обручами кровного родства (С. 67). Экономические функции в данном типе хозяйства тесным образом переплетены с функциями естественного воспроизводства. И никакие демократические и феминистские движения не приведут к достижению полного равенства ситуации для членов семьи, если только они не намерены освободить женщину от материнских обязанностей (С. 68).

Заземленность домашнего хозяйства на естественные процессы проступает и в форме особых социально-экономических стратегий. Одна из таких базовых стратегий была выявлена на примере крестьянских хозяйств и названа этикой выживания. Она опирается на принцип «безопасность превыше всего» и выражается в избегании риска, пусть даже ценой снижения средних доходов.

В домашнем хозяйстве царствует не экономика, сопряженная с рациональным (денежным) просчетом вариантов использования ограниченных ресурсов, а то, что К. Поланьи называл субстантивной экономикой, связанной с жизнеобеспечением человека.

Классический «экономический человек» чаще всего представляется нам в образе предпринима-

теля, максимизирующего прибыль, или потребителя, максимизирующего полезность. В домашнем же хозяйстве мы сталкиваемся с другой его ипостасью, не сводимой ни к первому, ни ко второму облику (С. 67). Принципиальная черта домашнего хозяйства как *моральной экономики* заключена в том, что здесь тесно сплетаются рациональное с нерациональным, и крайне трудно вычленишь из рационального традиционные, ценностные и аффективные элементы. Следующая характерная черта ДХ выражена тем, что в нем мы вплотную сталкиваемся с неформальной экономикой (С. 69).

Характер домашнего хозяйства определяется двумя группами факторов: его социально-демографической композицией (число членов, их пол и возраст, процент работников в общем составе) и социокультурными особенностями (образование, классовая принадлежность, широта и плотность социальных связей, специфика норм и обычаев). Эти группы факторов определяют, с одной стороны, уровень и структуру запросов, а с другой стороны, трудовые возможности данного хозяйства (С. 70).

В крупных городах домашнее хозяйство становится все более атомарным, освобождаясь по крайней мере от части соседских и родственных связей. Одновременно на основе электронных средств коммуникации ДХ втягивается в новейшие информационные системы, осваивая «дальние» и «слабые» профессиональные связи (С. 71). Однако в целом ДХ оказывается достаточно консервативным, оно приспособляется к изменениям, но сохраняет многие принципы хозяйствования (С. 72).

Фундаментальная социологическая работа А.И. Антонова (2005) позволяет использовать её методологию для теории домохозяйства микроуровня. Семья как микрообъект – это малая группа со своей семейной биографией или историей с учетом приватного характера семейного «климата». Микросоциология семьи изучает семейные интеракции, во-первых, с точки зрения их инструментальности, достижения тех или иных результатов семейного поведения, этапов жизненного цикла семьи; во-вторых, в терминах социологии понимания, восприятия, субъективных значений обиходной семейности [2. С. 13]. Микросоциология семьи имеет дело не с одной семьей, а с отдельной семьей, изучаемой на миллионах примеров в контексте старта – финиша, в связи с семейными событиями, имеющими свойства повторяться в массе случаев. Понятие жизненного цикла семьи предполагает циклический разворот семейных событий во множестве семей, а не в отдельной семье, где наблюдается хронологическая последовательность тех или иных действий (С. 18). Микрообъектом является динамика отдельной семьи, а макрообъектом – изменение института семьи. Отдельно взятая семья в контексте

жизненного цикла – лишь одна из трех сторон микрообъекта исследования. Вторая сторона заключается в изучении поведения семьи. Микросоциологию семьи интересуют лишь специфические виды семейного поведения, т.е. экзистенциально важные для функционирования и самого конституирования семьи как автономной целостности (С. 19). Непосредственный анализ семейной устойчивости образует третью сторону объекта микросоциологии семьи: взаимоотношения членов семьи в контексте достижения семейного единства, межличностные факторы укрепления или разрушения семейной целостности – вот главные темы этой важнейшей сферы.

Семья и семейное поведение не есть сумма индивидуальных линий поведения, и если социолога интересует семейный индивид, то в качестве члена, семейного «мы», элемента семейных взаимодействий (С. 21). Редукция семьи к социальному атому индивида, и тем более к личности как агрегативной единице и впрямь лишает микросоциологию её объекта изучения (С. 33). Крайне важно придерживаться определения семьи как малой группы с присущими ей свойствами, не сводимыми к свойствам индивидов или пар. Группа лишь такая, которая характеризуется определенной насыщенностью взаимных контактов, наблюдающихся, начиная с трех человек (С. 36).

Социологическое исследование семьи является системным: анализ жизненного цикла семьи, семейных взаимоотношений и семейного поведения предполагает применение статистического, этнографического, демографического, экономического, психологического, медицинского и других подходов. Задача состоит в совмещении данных о многообразии объекта в рамках единого объяснения наблюдаемых изменений семьи, что лучше всего достигается при проблемном подходе, т.е. при стремлении найти решение научной проблемы, минуя перегородки, устанавливаемые ревнителями «чистоты» отдельных дисциплин (С. 101). *Семейный цикл* – стадии: I. Предродительства. II. Репродуктивного родительства. III. Социализационного родительства IV. Прародительства (С. 167).

Чисто экономически любая рождаемость противоречит рациональной логике современной системы производства и оплаты труда, и если бы человеческое поведение подчинялось только экономическому рационализму, то никаких детей и не было бы.

Идея цикла очень важна и при изучении домохозяйства, хотя соответственно в основу положена другая базовая идея, вероятнее всего – имущества, что подробнее будет рассмотрено в публикации, относящейся к классификации и эволюции домохозяйств, их экономической функции.

Ценные методологические подходы к понятию «домохозяйство», к его возвращению в рос-

сийскую науку мы находим у В.А. Борисова (2001). Домохозяйство в переписи населения рассматривается не как вид хозяйственной деятельности (ведение домашнего хозяйства, организация быта), но как отдельный человек или группа людей, самостоятельно организующих условия своего быта. В отличие от семьи членами домохозяйства могут быть не только родственники или свойственники, но и друзья, компаньоны, пенсионеры, наёмные работники, постоянно проживающие в домохозяйстве и принимающие участие в его организации. Образующими признаками домохозяйства являются общность бюджета его членов (полная или частичная) и их постоянное совместное проживание и питание. Необходимо учитывать правовой статус объединения людей в домохозяйство. Оно может быть только добровольным.

Люди, постоянно проживающие в учреждениях любого рода, не имеющие в них своего обособленного хозяйства (и бюджета), должны учитываться при переписи как проживающие вне домохозяйства (не имеющие собственного домохозяйства).

В нашей стране после революции 1917 г. вплоть до микропереписи 1994 г. домохозяйство вовсе не учитывалось. Отказ от учета домохозяйств обосновывался руководителями советской госстатистики идеологическими аргументами [5. С. 74].

Домохозяйство различается по семейному положению членов домохозяйств, по их размеру и структуре. По размеру – одиночные (состоящие из одного лица) и групповые (состоящие из нескольких лиц). По семейному положению – 1) семейные, т.е. состоящие из людей, объединенных кровнородственными либо свойственными отношениями; 2) групповые (несемейные) различного рода коммуны, домохозяйства, состоящие из работодателей и их работников, и т.п.; 3) смешанные, в составе которых объединяются одна или несколько семей и другие люди, являющиеся либо не являющиеся родственниками данной семьи. По структуре – простые и сложные. Простые состоят либо из одного лица (одиночные), либо из одной простой (нуклеарной) семьи. Остальные сложные. Чаще домохозяйство занимает отдельное жилище, но может занимать часть жилища или два и более жилищ. Возможно и бездомное (кочевое) домохозяйство, члены которого переносят свой скерб с собой, не имея постоянного места жительства. Следует вернуться к использованию категории «глава домохозяйства» в качестве основной единицы наблюдения. Если домохозяйство рассматривается как экономическая ячейка, глава домохозяйства должен обладать определенными экономическими признаками, даже если они существуют лишь в сознании членов домохозяйств. Общей тенденцией развития домохозяйств во всех индустриальных

странах является уменьшение их размера и упрощение (нуклеаризация) внутренней структуры, что связано главным образом с соответствующими изменениями структуры семьи [Там же. С. 75].

В одном из первых учебников по менеджменту в домашнем хозяйстве мы находим адекватное соотношение семьи и ДХ как сторон проживания. Домашнее хозяйство является одной из наименее изученных экономических единиц [18. С. 7].

Семья – группа, объединяемая общностью семейно-родственных связей, (супружество, родительство, родство), которая не обязательно проживает под одной крышей и не обязательно имеет общий бюджет. *Домашнее хозяйство* представляет собой группу людей, объединенных общими задачами, местом проживания, бюджетом и обычно семейно-родственными связями. Домохозяйство раскрывается как хозяйствующий субъект, «вписанный» в соответствующую социальную структуру – семью, родственные и соседские отношения. В основе домашнего хозяйства лежат властные отношения – права по контролю над совместной экономической деятельностью передаются одному из его членов – главе семьи. В общем цель домашнего хозяйства – обеспечение своим членам гарантированного уровня благосостояния вне зависимости от появления непредвиденных обстоятельств. Основную функцию домашнего хозяйства следует определить как производство, реализация и сохранение человеческого капитала, который, в свою очередь, понимается как совокупность знаний, практических навыков и трудовых усилий человека.

Семейные роли [Там же. С. 10]. Роль, во-первых, – это фиксация определенной позиции, которую человек занимает в какой-либо системе отношений; во-вторых, функция, которую он должен выполнять, занимая эту позицию; в-третьих, одобряемый образец поведения, который ожидается от каждого, кто исполняет эту роль. Семья и домашнее хозяйство требуют выполнения определенного набора ролей: супружеских, родительских, хозяйственных. *Роли*: отец, мать, воспитатель, муж, жена, глава семьи, любимый, сексуальный партнер, друг, хозяин – хозяйка, покупатель, потребитель, золотка, невестка, сват и т.д. (С. 19). Сначала роль осознается, затем проигрывается, создается представление и реализуется в собственной семье. Все эти представления глубоко индивидуальны и у разных людей не совпадают (С. 20).

Глава семьи, функции: обеспечение безопасности семьи; координация действий её членов для достижения семейных целей; определение жизненных перспектив; развитие семьи; внушение

веры в будущее.

И, наконец, обзорная работа Я.М. Рощиной формирует обобщенный подход и к домохозяйству, и к семье, позволяя выделить их основные функции. Основные параметры домохозяйства, общие для всех определений: лицо или группа лиц; совместное проживание; возможно – родственные связи; совместное хозяйство (бюджет или потребление). Главное в критериях определения ДХ – проживание и экономический критерий, хозяйственные функции [19. С. 15–16].

Основные параметры семьи, общие для всех определений: группа лиц; родственные связи. Главное в определении семьи – демографический критерий (родственные связи), социальные функции (С. 17).

В эмпирических исследованиях экономического поведения за единицу чаще всего принимается домохозяйство, или, как иногда говорят, «экономическая семья».

Функции семьи и ДХ можно разделить на несколько групп.

А. Биологические (демографические):

- сексуальные отношения;
- рождение детей (репродуктивная функция).

Б. Социальные и психологические:

- регулирование сексуального поведения (брак);
- забота, воспитание, образование, социализация детей;
- определение «семейных» ролей с соответствующими правами, обязанностями и отношениями;
- передача культуры от поколения к поколению (нормы, ценности, обычаи, язык);
- эмоциональная и психологическая поддержка;
- коммуникативная;
- статусная;
- регулятивная.

В. Экономические:

- производство, распределение и потребление ресурсов (средств к существованию);
- имущественное наследование;
- распределение труда (внутреннего и внешнего);
- производство, реализация и сохранение человеческого капитала.

Экономические функции скорее относятся к домохозяйству. Домохозяйство выступает в первую очередь как единица потребления, а как единица производства – во вторую (сейчас). Домохозяйство принимает экономические решения в следующих сферах: семейное планирование (рождение детей); отделение от родителей (или раздел семьи); занятость; потребление и расходы; миграция (С. 18).

Таким образом, исторически домохозяйства имеют биологическую основу, выразившуюся в эусоциальности, и по сути представляют собой первичную окружающую среду человека, которая предназначена для его защиты от окружающих сред более высокого уровня. В принципе существуют 2 класса (рода?) домохозяйств. Производящий, который по сути и был производством продукции на родственной (и не только) основе. В этом классе домохозяйство возглавлял глава семьи (домохозяйства), *pater familias*, который, как и любой руководитель, обладал существенным объемом власти, когда-то и абсолютным. Особенности класса повлияли на все элементы его натуральной структуры, так как по существу в его основе лежала собственность на средства производства. В дальнейшем производство выделилось из домохозяйства, которое, с одной стороны, превратилось в потребляющий класс, с другой – осталось производящим, но уже за его физическими пределами.

Так как классическая структура ДХ включает ряд элементов, их комбинации дают нам их разнообразные типы, которые могут со временем эволюционировать друг в друга, а могут оставаться неизменными. Вопросам классификации типов потребляющего класса ДХ и их эволюции будет посвящена отдельная работа.

Литература

1. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984.

2. Антонов А.И. Микросоциология семьи: учебник. М., 2005.
3. Бартошек М. Римское право. Понятия. Термины. Определения. М., 1989.
4. Беккер Г.С. Экономический взгляд на жизнь // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. 5: в 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М., 2004.
5. Борисов В.А. Демография: учебник. М., 2001.
6. Бурдые П. Формы капитала // Классика новой экономической социологии. М., 2014. С. 293–315.
7. Гребер Д. Долг: первые 5 000 лет истории. М., 2015.
8. Джос В.В. Предисловие переводчика // Зонди Л. Каин: образы зла. М., 2013.
9. Дойч Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных. М., 2015.
10. Евдокимова-Динелло Н.П. Капитал и российские банкиры // Социс. 2000. № 2. С. 75–86.
11. Земцов А.А. Домохозяйство: Основания. Финансы. Консалтинг. Томск, 2015.
12. Карагодин Д. Я добыюсь, чтобы убийцы были признаны виновными // PSYCHOLOGIES. 2016. № 11.
13. Ксенофонт. Домострой // Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М., 2003.
14. Муравецкий И.М. Человекомерность семейного бюджета: философско-антропологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2011.
15. Парис Ж. Мудрость психики: Глубинная психология в век нейронаук. М., 2012.
16. Поддъяков А.Н. Матрицы игр человеческого метакapи- тала: игры на повышение и понижение столаров, грабителей и профессоров // ЭС. 2012. № 5.
17. Радаев В.В. Человек в домашнем хозяйстве // Социс. 1997. № 4. С. 64–72.
18. Резник С.Д., Бобров В.А., Егорова Н.Ю. Менеджмент в домашнем хозяйстве. М., 2010.
19. Роцина Я.М. Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных PLMS-HSE. М., 2015.
20. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. М., 2007.
21. Уилсон Э. Смысл существования человека. М., 2015.
22. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.
23. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Москва; Львов, 1998.